

УДК 316.347:7.012.001.2

ВЛАДИМИР ЕВТУХ,

доктор исторических наук, член-корреспондент НАН Украины, директор Института социологии, психологии и социальных коммуникаций Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова, заведующий кафедрой социологии

Этничность в транснациональном социальном пространстве: дизайн исследовательского проекта

Аннотация

Статья посвящена методологическим проблемам исследования феномена этничности. Несмотря на значительное количество публикаций по этнической проблематике, сегодня сам термин “этничность” недостаточно идентифицирован и его определения не воспроизводят сущности явления. Разнообразие интерпретаций рассматриваемого феномена автор объясняет сложностью его содержания, структурирования и диверсификацией его проявлений. В статье предложено рассмотрение явления этничности в транснациональном социальном пространстве, являющемся ныне наиболее динамичным контекстом ее функционирования. Модель исследования феномена этничности выстраивается исходя из распространенных в зарубежной социологии и смежных с ней социогуманитарных науках подходов, теорий, концепций, таких как культурная перспектива и экономическая перспектива. Это позволяет проследить траекторию динамики понятия “этничность”, его смысловое наполнение в разных социокультурных и исследовательских традициях.

Ключевые слова: *этничность, этнокультурная диверсификация, этнофоры, интернационализация, социальные сети, транснациональное социальное пространство*

Мотивом, побудившим меня к разработке вынесенной в заголовок статьи темы, стала весьма оживленная дискуссия на международном семинаре “Человеческие ценности в межкультурной коммуникации”, организованном по инициативе известного польского социолога, исследователя

межкультурной коммуникации профессора Ягеллонского университета Лешека Корпоровича [Евтух, 2011: с. 43]. Семинар проходил в названном университете (г. Краков) 1–2 июня 2012 года в рамках недавно созданной международной исследовательской сети “Ягеллонские культурные исследования” [Kogrowicz, 2012: p. 7–23], куда меня в свое время пригласили в качестве одного из ее основателей. В дискуссии приняли участие известные ученые из Австралии (Маргарет Секомб), Дании (Доминик Буше), Индии (Ашок Ваджпей, Суреш Шарма), Германии (Рагуль Петер Дас), польские исследователи смежных с основной темой семинара проблем, в частности блестящий знаток культурной идентичности профессор Леон Дичевский из Католического университета в Люблине.

Обсуждение именно этнической проблематики началось после моего выступления “Новые этничности — новые культуры — новые проблемы. Иммигранты в пространстве межкультурной коммуникации. Украина”. Дискуссия касалась прежде всего теоретико-методологических проблем — возможности постижения многогранного феномена “этничности”, его проявлений в разных конкретных социальных и этнокультурных ситуациях, изменчивости его значения (если не радикальной, то по крайней мере в определенных аспектах), выяснения факторов, влияющих на теоретические интерпретации данного явления исследователями из разных стран. Из-за недостатка времени участники дискуссии едва затронули практики, связанные с пронизанностью межкультурных коммуникаций современного мира этничностью.

Собственно, эта статья стала своего рода продолжением начавшегося в Кракове обсуждения. Правда, акценты здесь несколько иные. Я ставлю свою задачу достаточно конкретно — разработать теоретико-методологическую модель исследования феномена этничности в современном транснациональном социальном пространстве (ТНСП). Полагаю, это может помочь проследить траекторию эволюции (изменений) интерпретации представителями разных научных традиций этничности по линии “термин — понятие — явление” и выстроить исследовательскую концепцию, прежде всего социологическую, проникновения в сущность феномена “этничность” на общетеоретическом уровне и выяснения факторов, обуславливающих его изменения и конструирующих дизайн, сущность и формы проявления этничности в конкретных условиях жизнедеятельности тех или иных обществ на микро- и макроуровне. Основания рассматривать феномен в заявленном ракурсе таковы: 1) практическое отсутствие попыток отдельно и комплексно изучить функционирование этничности в социальном пространстве, в частности в транснациональном пространстве; 2) отдельные попытки воспроизвести “плавание” этничности (“плавающую этничность” — в англоязычном варианте *“shifting ethnicity”*), предпринятые некоторыми зарубежными исследователями, преимущественно в отношении миграций, формируют исходные позиции изучения вопроса в более широком контексте, в том числе за пределами мигрантских систем; 3) объединение двух продуктивных научных тем — этничности и транснационального социального пространства — создает плодотворное исследовательское поле, позволяющее проанализировать едва ли не самые важные потенции феномена этничности для жизнедеятельности человеческих обществ; 4) собственный исследовательский опыт автора статьи, информированность касательно состояния изучения явления, в частности благодаря пребыванию в русле международного научного дискурса.

Итак, принципиальным моментом в формировании дизайна этого конкретного исследовательского проекта, на мой взгляд, является прежде всего его структура, состоящая из трех частей: 1) *концепты этничности и транснационального социального пространства*; 2) *закономерности и особенности функционирования этничности и транснационального социального пространства в их взаимосвязи*; 3) *методологические принципы исследования*. Попутно отмечу, что термин “дизайн” я употребляю не только из соображений компоновки и стилистики исследования, но и в смысле построения проекта реализации задач на основе постижения содержания структурных и функциональных связей феномена этничности в конкретных обстоятельствах — в данном случае в рамках транснационального социального пространства.

Концепты этничности и транснационального социального пространства

Сразу же отмечу, что концепт этничности в мировой и, в частности, в украинской социогуманитаристике изучается достаточно интенсивно [Євтух, 2009: с. 153–157; Євтух, 2012: с. 379–393]; что касается второго концепта, то он еще не так ощутимо находится в поле зрения зарубежных исследователей (особенно когда речь идет о функционировании в этом пространстве этничности), хотя в Украине его концептуально пока не осваивали. Исходя из этого, по моему мнению, вполне оправданно больше внимания уделить именно концепту “транснациональное социальное пространство”. Правда, сначала нам придется, хотя бы в общих чертах, обозначить концепт этничности; при этом нужно будет учитывать то обстоятельство, что концептуальный анализ феномена этничности во времени и пространстве является чрезвычайно продуктивной идеей [Malesevic, 2011] для более глубокого проникновения в сущность и динамику этого феномена.

Концепт “этничности”. Дискуссию следует начать с концептуализации понятия “этничность” с акцентом на его социологическом измерении. Здесь я предлагаю обратиться к обобщенному определению понятия, предложенного мной в издании “Етнічність: Енциклопедичний довідник”: “Этничность (от греч. *ethnos* — народ, племя) — термин, который воспроизводит качественные характеристики человека или группы людей, связанные с их этническим происхождением и проявляющиеся в быту, культуре, поведении и, в целом, в ментальности, подтверждая это происхождение и выделяя их среди других. Нередко термин употребляют для определения общности, языковой и культурной самобытности группы людей” [Євтух, 2012: с. 104]. В соответствии с функциями, структурой и отношением к той или иной сфере действия предлагается определение 34 разновидностей этничности. Последнее, на мой взгляд, является существенным моментом в понимании того, что термин, воспроизводя понятие, указывает на его многогранность и сложность как в отношении взаимодействия компонентов этничности внутри самого феномена, так и в плане его взаимодействия с другими феноменами окружающего мира.

Хотя предлагаемое определение базируется на огромном исследовательском опыте многих этнологов, (этно)социологов и политологов, это не означает прекращения поисков оптимальных границ его сущности и диагностирования динамики на траектории движения, скажем, от Америки (Канада,

Соединенные Штаты) до Дальнего Востока (Китай, Япония), включая проявления сущности и интерпретации в европейских странах (Бельгия, Германия, Португалия, Франция, а также Россия и Украина) и в Австралии. По ходу изложения материала я буду обращать на это внимание. Конструктивной в этом плане должна стать обработка массива публикаций, аккумулярованных в международной базе данных комплексной тематики EBSCO, которая была предоставлена научным библиотекам Украины в бесплатное пользование в течение апреля–мая 2012 года. Научная библиотека Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова организовала доступ к этому мощному ресурсу: мне вместе с моим коллегой доцентом кафедры социологии кандидатом социологических наук Владимиром Крячко удалось зафиксировать, что эта система содержит 107 979 наименований публикаций (1919–2012), так или иначе связанных с этничностью; мы просмотрели более 10 000 единиц, отыскали почти 5 000 названий статей с полными текстами и на время написания статьи (ноябрь 2012 года) классифицировали 3 500 публикаций. Такой огромный массив разноплановой литературы (сюда следует добавить также литературу советских, российских и украинских авторов, которая, за единичными исключениями, пока не включена ни в одну из подобных EBSCO поисковых международных систем) представляет собой добротную базу для выявления научных подходов в формировании концептов этничности и поиска наиболее адекватных парадигм для трактования роли феномена этничности в обществообразующих процессах.

В этом контексте актуализируется вопрос, сформулированный Л. Низамовой, о “сложносоставной концепции современной этничности”, что заставляет исследователей задуматься над проблемой несоответствия традиционных взглядов на этничность (к примеру, примордиалистских, традиционно конструктивистских) “ключевым характеристикам современного общества” [Низамова, 2009: с. 34]. На эту проблему указывает и британский социолог Дж. Незру: он подчеркивает, что длительное время преобладала тенденция рассматривать “этническое” в биологическом контексте; однако, поскольку “этническое” является скорее динамичным многогранным социальным конструктом, то, очевидно, более адекватно рассматривать его как мультимерный концепт, не концентрируя чрезмерного внимания на каком-то одном из его аспектов. Автор считает (и с этим можно согласиться), что наиболее релевантными здесь могут оказаться социологические теории трактования “этничности” [Nazroo, 2001: с. 39]. Другие специалисты также считают, что назрела потребность по-новому классифицировать проявления этничности, в определенной мере привязывая этот процесс к конкретным условиям ее функционирования [Aspinall, 2009; Carter, 2009; Mateos, 2009]. В этом ключе продуктивным представляется также мнение американского исследователя этнического бизнеса (этнической экономики) Я. Пьетерсе, определенным образом коррелирующее с точкой зрения предыдущих авторов. Он обращает внимание на три очень интересных с методологической точки зрения момента: 1) термин “этничность” воспроизводит родственные взаимоотношения; он указывает на чужеродное, но чужеродное особого вида. Скорее всего, часть носителей одного и того же национального происхождения является чужой для этой этничности, тогда как другие могут считаться своими этниками; 2) этничность указывает на различие и культурную дистанцию по отношению к главному руслу (mainstream); 3) “этническое” как эт-

ноцентричный термин (скажем, используемый с целью обозначения дистанции между европейской культурой и культурами прибывающих из других стран [Pieterse, 2003: p. 10]), прежде всего арабских, азиатских, африканских, латиноамериканских) отличается от “этнического” для обозначения накопителя культурных свойств человека, связанных с его этническим происхождением и этнической окружающей средой [Pieterse, 2003: p. 21]. Поиски истины в этом ракурсе дают дополнительные аргументы для изучения феномена этничности в его компаративистской динамике.

Существенными моментами в этом процессе поисков адекватного воссоздания содержания понятия (через его терминологическое определение) и охвата разнообразия изменений его значения от страны к стране, от одной научной традиции к другой являются:

1) фиксация, в частности библиографическая, весомых публикаций, предметом которых является этническая проблематика с акцентом на содержании феномена этничности. Замечу, что мной в рамках деятельности Центра этноглобалистики (совместная научная структура Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова и Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф.Кураса НАН Украины) такой проект выполняется и через несколько месяцев, надеюсь, результаты будут опубликованы;

2) установление этнических маркеров того или иного явления (напомню, что таковыми являются культурные характеристики, которые используются для идентификации членов той или иной этнической общности) [Boyd, Richerson, s.a.; Identity markers, s.a.]; определение главных (базовых) маркеров этничности (core markers), присутствующих в любой традиции и наиболее устойчивых к влиянию изменений (происхождение, язык, культурные традиции, обычаи, традиции ведения хозяйства, ментальность и т.п.). При этом следует помнить о контрверсионности интерпретации как самого содержания этнических маркеров, так и их роли в определении этничности. В этом контексте уместно замечание американских антропологов о необходимости дифференциации между функциональными и нефункциональными культурологическими интерпретациями символических этнически маркированных свойств явления, единицы, человека [Boyd, Richerson, s.a.]. Источниками селекции таких маркеров должны стать энциклопедически-справочные издания (такие как: “*Measuring Identity: A Guide for Social Scientists*” (Измерение идентичности: путеводитель для социальных ученых), “*Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*” (Гарвардская энциклопедия американских этнических групп), “*Handbook of World-Systems Analysis*” (Справочник анализа мировых систем), “*Енциклопедія української діаспори*”, “*Ethnicity. InterCocta Glossary. Concepts and Terms Used in Ethnicity Research*” (Этничность. Глоссарий ИнтерКокта. Концепции и термины, используемые в исследованиях этничности), “*Етнічний довідник: у трьох частинах*”, “*Этнопсихологический словарь. Этнос. Нация, Общество: этнологический словарь*” и т.п.); работы исследователей, профессионально занимающихся проблемами этничности и имеющих значительный объем работ в данной сфере (С.Арутюнов, Ю.Арутюнян, Ф.Барт, Э.Бонасич, Ю.Бромлей, Д.Буше, П.Ван ден Берге, М.Вебер, Л.Вирт, В.Воронков, Г.Гарфинкель, Ф.Гекманн, М.Гумилев, Л.Дичевский, Л.Дробижева, Т.Эриксен, В.Евтух, Н. Глейзер, О.Картунов, Ю.Ким, Л.Корпорович, Н.Лебедева, С.Малесе-

вич, Д.Мойнихен, В.Наулко, Ф.Ригс, Э.Смит, Э.Смолич, В.Тишков, Дж.Фишман, Р.Шермерхорн и др.); социологические опросы населения, непосредственно посвященные этнической проблематике или содержащие вопросы, которые ее касаются (к примеру, *Европейское социальное исследование. Мониторинг ИС НАНУ “Украинское общество. 1992–2012”*). Примером формирования компендиума этнических маркеров может служить предложенный психометриками индекс характеристик процесса аккультурации, объединяющий 21 позицию: одежда, темп жизни, общие знания, пища, религиозные верования, материальный комфорт, отдых, самоидентификация, семейная жизнь, жилище, ценности, дружеские отношения, стиль общения, культурная деятельность, язык, занятость, восприятие соотечественников, восприятие жителей страны пребывания, политическая идеология, восприятие мира, социальные обычаи [Ward, 1999: p. 439]. Не подлежит сомнению, что функции этнических маркеров, нюансы их содержания и значений наиболее очевидно проявляются в процессе взаимодействия представителей разных этнических общностей. Это обстоятельство заставляет с особой тщательностью подходить к включению этнических маркеров в дискурс интеракционных поведенческих активностей этнофоров [Евтух, 2012: с. 142–143]. Зарубежные и отечественные исследователи, в первую очередь этносоциологи, уже имеют определенный опыт в этом направлении. А вот, скажем, такое явление, как “этнический стиль” [Tannen, 1982: с. 217]), пока не попало в центр внимания научных работников. По моему мнению, оно заслуживает того, чтобы его рассматривать более интенсивно в контексте содержания этнических маркеров. Я полностью согласен с утверждением венгерской исследовательницы Ж.Айтони, которая, опираясь на работы американских авторов, прежде всего этнолингвистов, считает, что “разговорный стиль” (“стиль разговора”) этнофоров является главным компонентом этничности (замечу, этничности, проявляющейся в процессе непосредственного взаимодействия) [Ajtony, 2010: с. 212–213]. Особенно актуален этот тезис в контексте рассмотрения динамики этничности в транснациональном социальном пространстве либо в его подпространствах, пределы которых очерчены географическими границами, так называемыми региональными социальными пространствами;

3) поскольку в работах исследователей термины “этничность”, “раса”, “национальность”, “этническая группа”, “этническая общность”, а иногда и “религиозная группа” зачастую употребляются как синонимы и заменяют друг друга, необходимо проследить параметры и динамику их взаимодействия. Время от времени подобные попытки предпринимаются исследователями этничности (Р.Бейор, К.Боб, Дж.Даунинг, В.Евтух, Л.Лейндж, С.Малесевич, С.Фентон, М.Франклин, С.Газбенд), однако они пока не стали системными, поэтому на их основе нельзя делать обобщающих выводов. Сегодня в рамках постановки проблемы можно было бы осуществлять выстраивание функциональных полей этнического, расового, национального, религиозного (этнорелигиозного) в пределах транснационального пространства и поиск плоскостей пересечения этих полей, которые, собственно, на мой взгляд, образуют миниполе, в котором совпадают или накладываются друг на друга функции этнического, расового, национального, этнорелигиозного. В свою очередь, эти характерные для перечисленных явлений функции определяются их происхождением, местом и взаимодействием с окружающим миром, а вне этого

миниполя возникают дифференцированные функции, ориентированные глубоко на реализацию свойственных именно этому роду общности функций, например: сохранение этнических элементов культуры под давлением ассимиляции, создание религиозных центров для новоприбывших иммигрантов и т.п. Не углубляясь в выяснение отличий, скажем, между терминами “раса” и “этничность”, отмечу наиболее общее: раса — это человеческая группа, которая определяет себя или определяется другими через воспринимаемые и аккумулированные устойчивые биологические отличия; этничность (этническая группа) — это человеческая общность, которая определяет себя или определяется другими через воспринимаемые и аккумулированные постоянные культурные различия [Identity markers, s.a.: p. 4];

4) поскольку этничность базируется на идентичности и идентичность в значительной мере воспроизводит сущность этничности [Гнатюк, 2005; Евтух, 2012; Нагорна, 2011; Esparza, 2010] и выделяет человека того или иного этнического происхождения среди других, то важно учитывать содержательное наполнение термина “идентичность” и соотношение изменений контента в парадигме этничность/идентичность. Поскольку идентичность лежит в основе процесса “*инаковости — othering*” [Гнатюк, 2005: с. 51], то ее изменения следует связывать с изменениями идентичности, обращая особое внимание на поколенческие, временные и пространственные факторы. Такой подход позволит лучше понять, с одной стороны, степень открытости этнофоров для изменений и степень их резистенции изменениям. А это, в свою очередь, уберезет от неадекватных трактовок динамики изменений, даст возможность спроецировать их влияние на взаимодействие носителей различных этничностей, минимизирует принятие ошибочных решений в плане урегулирования этнических процессов, в том числе идентификационных. Такую концептуальную перспективу в трактовании соотношения этничность/идентичность я предлагаю применять тогда, когда речь идет о национально-этнической и этнокультурной идентификации индивида, общности. Если же идентичность рассматривать в более широком контексте, то, конечно, придется согласиться с британским специалистом Л.Раен, что “в конечном счете этничность является одним из элементов идентичности и частичное совпадение классово-гендерной и этнической идентичностей обеспечивает если не полную, то более комплексную картину социальных практик” [Ryan, 2001: p. 804];

5) следующий момент, который мы должны учитывать, выстраивая методологию исследования выбранной темы, связан со стремительным проникновением в нашу жизнь Интернет-технологий, прежде всего насыщением виртуального пространства этнической информацией [Esparza, 2010; Florea, 2005; Leung, 2005; Niehues, 2006; Ong, 2003; Parker, 2009; Siapera, 2005, 2006]. Она здесь гораздо более динамична, более доступна, чем в других источниках. Например, британские исследователи констатируют, что повседневные обмены информацией в Интернете обеспечивают более интенсивную репрезентацию этничностей, в частности их культур, чем иного рода активности [Parker, 2009: p. 584]. В этом контексте особое внимание необходимо обращать на подвижность символических границ этничности, которые ее виртуализируют [Florea, 2010: p. 6]. Исходя из этого, важно разработать критерии ее отбора для аналитической работы в контексте транснационального социального пространства, которое, кстати, интернетизирует-

ся и в большой мере может виртуализироваться. Здесь, безусловно, процессы формирования социальных сетей на этнической основе [Faist, 2004] являются одной из ключевых тем исследования предлагаемого проекта;

б) необходимым элементом дизайна (в широком понимании этого термина) исследования значения феномена “этничность” в нашем контексте является выяснение подвижности диахронных информационных связей, служащих основой формирования и существования человеческих общностей, а также этнических информационных связей как основы функционирования этнических общностей [Арутюнов, 1989: с. 21–23].

Концепт транснационального социального пространства. Исходным пунктом очерчивания параметров концепта феномена этничности является базовое понятие “транснационализм”. С него и следует начинать выяснение содержания концепта “транснациональное социальное пространство”. Делая акцент на транснационализме, я осознаю, что вопрос пространства вообще и социального пространства в частности в определенной мере, достаточной для размышления над темой “этничность в транснациональном социальном пространстве”, в социологии уже изучен. Правда, это не избавляет от необходимости время от времени обращаться к последнему понятию для его уточнений, особенно связанных со спецификой функционирования данного пространства и функционирования в нем этничности.

По традиции, сложившейся в социологической науке, под термином “транснационализм” будем понимать социальный феномен, который воспроизводит непрерывную взаимосвязь между народами, соответствующими экономиками и социальным значением границ между национальными государствами (нациями, имеющими свою государственность). Для нашего контекста в качестве наиболее релевантного определения этого феномена предлагаю следующее: “Транснационализм — социальное движение, социальная идеология, базирующаяся на подчеркивании взаимосвязанности всех народов и на утрате значения границ между странами” [Transnationalism, s. a.]. Этот термин ввел в оборот писатель Рандольф Бурне в начале XX века. Он концентрировал внимание на осмыслении отношений между культурами. Обращу особое внимание на тот момент, что автор выделял культуру в качестве основного субъекта, благодаря которому появляется новое образование и которым это новое образование (в данное время уже транснациональное пространство) заполняется. То есть следует сделать специальное ударение на первичном значении термина, поскольку сегодня (и эта ситуация сохранялась в течение продолжительного времени) представители социогуманитарных наук свой интерес в трактовании феномена “транснационализм” сдвигают в сторону наполнения его экономическим содержанием [Transnationalism, s.a.]. Я в своих работах, намереваясь показать важность как экономической, так и культурной составляющей для понимания понятия “транснационализм” и производных от него терминов для более адекватного понимания, употребляю термины “экономический транснационализм” и “культурный транснационализм”. Первый касается экономического процесса, который предполагает глобальную реорганизацию производительных процессов, когда различные стадии изготовления любого продукта могут находиться в разных странах с целью минимизации издержек (средств); второй термин касается идеологии (движения) в плане важности для современного развития трансграничных связей в области куль-

туры, необходимости интенсификации обменов и межкультурного диалога [Евтух, 2012: с. 307]. Замечу, что в дальнейших размышлениях о сущности ТНСП весьма продуктивной оказывается идея о “пространствах транснациональности”, выдвинутая в научной монографии “Транснациональные пространства” П.Джексоном, Ф.Крагом и К.Дваером [Jackson, 2004: p. 1].

Анализ научной литературы, предметом которой главным образом или побочно выступает транснационализм и построенное на его концепциях транснациональное социальное пространство, четко указывает на их связь с тремя следующими феноменами: этнические общности, миграции, диаспоры. По моему мнению, последние служат релевантными индикаторами транснационального социального пространства и теми социальными единицами, которые определяют его содержание. Отправной точкой для выяснения сущности понятия “транснациональное социальное пространство” является понимание более узкого понятия — “социальное пространство”. П.Бурдые, Г.Зиммель, П.Сорокин в своих работах дают весьма четкое определение этого феномена и указывают на наполняющие его компоненты. В частности, П.Бурдые подчеркивает, что социальное пространство — это абстрактное пространство; оно состоит из подпространств, или полей (экономического, интеллектуального и т.п.); его структура определяется неравномерным распределением отдельных видов капитала [Бурдые, 1993: с. 40]; П.Сорокин обращает внимание на то, что в социальном пространстве субъекты могут размещаться как далеко друг от друга, так и рядом [Сорокин, 1992: с. 297]; а Г.Зиммель рассматривает социальное пространство как определенную систему мест [Зиммель, 1996: с. 525]. В работах классиков социологии, в частности социологии пространства и их последователей (Р.Алена, К.Левина, А.Лефевра, А.Шюца) находим и другие характеристики социального пространства. Однако здесь я ограничусь этими короткими констатациями, одновременно напомнив, что работы таких украинских социологов, как С.Литвинов, Л.Малес, А.Стегний, содержат немало продуктивных идей, которые можно использовать при уточнении содержания транснационального социального пространства.

Поскольку проблема специфики социального пространства, а в более широком контексте — транснационального социального пространства довольно оживленно дискутируется в зарубежной социологической литературе, прежде всего в работах немецкого социолога Л.Приса, одного из признанных специалистов в этой отрасли [Pries, 2001, 2005, 2006], то нам, исследуя функционирование феномена этничности в этом пространстве, следует остановиться на отдельных моментах его теоретических рассуждений, и в первую очередь на тех, которые имеют методологическое значение. Социальное пространство этого ученого — это географическое пространство, покрывающее определенную территорию, в пределах которой осуществляются социальные практики повседневной жизни, в которой в определенном пространственном порядке размещены артефакты и символические системы, социальные институты, структурирующие человеческую жизнь [Pries, 2005: p. 6]. Согласно Л.Прису, каждое социальное пространство (“территориальное” или “локальное”) “оккупирует” четко определенное (одно) специфическое географическое пространство [Pries, 2005: p. 7]. Выстраивая такой подход, по которому географическое пространство и социальное пространство “вмонтированы” друг в друга, исследователь ссылается на Аль-

берта Эйнштейна и Готтфрида Лейбница. С именем первого связана “*контейнерная концепция*” пространства, поскольку именно он изобрел термин “*контейнерное пространство*”. Согласно этой концепции пространство — это вещь в себе, существует без каких-либо объектов, однако это эмпирически реальная, однородная, хоть и “*немеблированная*” единица. До утверждения этой концепции социального пространства (она известна также под названием “*абсолютистская концепция*” — пространство как абсолютная единица с ее собственными характеристиками и качествами) Г. Лейбниц говорил о том, что пространство не имеет установленных раз и навсегда качеств, а скорее является конфигурацией материальных объектов в контексте их взаимодействия, выстроенных в определенном порядке [Pries, 2005: p. 7]. Эти две концепции длительное время соревновались между собой за право первенства. Собственно, это состязание стимулировало поиски научного компромисса, а сам ход социально-исторического развития расширял границы взаимодействия народов, культур, что, по моему мнению, в конечном счете вывело исследователей на необходимость изучения новых социальных образований, каковым является транснациональное социальное пространство.

В определенной мере “*контейнерный*” подход сохранялся до недавнего времени и в интерпретациях наций и обществ — здесь он воплотился в концепте “*национальные контейнерные общества*” [Pries, 2005: p. 8]. Со временем его начали вытеснять концепции глобализированного мира, в которых уменьшался вес наций-государств и вообще пространства: считалось, что глобализация мира приведет к исчезновению границ между государствами, и мир если не станет единым, то по крайней мере утратит ощутимое деление на “*национальные контейнеры*”. Однако, несмотря на преобладающие тенденции глобализации, страны и народы стремятся к сохранению своей самобытности, что, в частности, проявляется в культурном разнообразии современного мира [Amiri, 2010; Forrest, 2011; Hartmann, 2005; Hasmath, 2011; Morace, 2010; Toggenburg, 2005]. Польский профессор Л. Корпорович небезосновательно утверждает, что мир не так легко поддается унификации, и на этом пути возникает немало противоречий: “...много процессов стандартизации и культурной унификации генерируют несколько парадоксальные, но, в соответствии с логикой их хода, свои собственные “*антипроцессы*”, самоотрицание и “*антитенденции*”, которые разрушают предыдущие закономерности и в конце концов ведут к новому правопорядку на горизонте современных феноменов. Таким образом формируется новый образ культурной реальности” [Korporowicz, 2000: p. 161]. А, скажем, Дж. Фридман с процессами транснационализации, этнификации прямо связывает “*ослабление глобальной гегемонии*” [Friedman, 1998: p. 233].

Выделенная особенность взаимодействия процессов глобализации и диверсификации является методологически важным моментом, который становится релевантным и в контексте функционирования этничности в транснациональном социальном пространстве, заставляя задуматься над тем, стоит ли отбрасывать как “*контейнерную концепцию*”, так и “*глобализационную концепцию*” в развитии современного мира. На этом фоне актуализируется феномен интернационализации процессов и явлений (правда, неоднозначно, а с рациональным соотношением глобализационных и диверсификационных тенденций) в связи с интенсивным взаимодействием народов и культур, и это едва ли не очевиднее всего проявляется в движении

этничности в транснациональном пространстве. Здесь, и особенно в контексте этничности, нужно говорить о рациональности объединения разного рода географических измерений пространства (локальности, региональности, национальности, супернациональности и, наконец, глобальности) и базовых единиц социального анализа (семьи, семейного хозяйствования, организаций и правительственных структур) [Hall, 1991].

Можно безоговорочно согласиться с важным, на мой взгляд, утверждением профессора Тукубского университета (Япония) Г.Кляйншмидта о том, что транснациональное социальное пространство чрезвычайно продуктивно в изучении явлений международной жизни, международных отношений, феноменов общественного развития, симультанно присущих многим странам мира. Эту продуктивность Г.Кляйншмидт связывает с тем, что ТНСП не слишком прочно привязано к территории и отличается широким диапазоном применения в научном анализе. Давая характеристику транснациональному социальному пространству, исследователь выделяет следующие моменты: 1) ТНСП — это пространственные единицы, сконструированные индивидуальными акторами (или находящиеся в процессе конструирования) на основе накопленного опыта в результате повседневных активностей и нередко находящиеся в противоречивых взаимодействиях с территориями суверенных государств; 2) границы ТНСП размыты, непостоянны и создаются, так сказать, снизу; 3) единицы ТНСП не обязательно должны признаваться всеми членами человеческой общности, проживающими на территориях суверенных государств или передвигающимися по их территориям; 4) для этих пространственных единиц не является необходимым формирование пространственной базы для достижения коллективной идентичности или выстраивание иерархии легитимированных институтов управления общественными процессами; 5) диапазон их размеров и структур разнообразен — от микрорегионов, пересекающих границы суверенных государств (например, Карпатский еврорегион на Западе Украины и восточных границах соседних с ней государств), до глобальных единиц (к примеру, Европейский Союз); 6) единицы ТНСП с их надтерриториальным характером, находящимся в вечном движении населением и ограниченной властью и компетенциями управленческих институтов всегда противостоят всем элементам суверенного государства, очерченным конвенциями европейской политической теории; 7) единицы ТНСП возникают как следствие разнообразных факторов, кросскультурных обменов, торговли, межгосударственных отношений на локальных уровнях, разного рода военных действий и, безусловно, миграций [Kleinschmidt, s.a.].

Нынешние практики международной жизни, охватывающие явления, свойственные целому ряду стран, такие как этничность, заставляют ученых интенсивнее включать их и их отдельные проявления в орбиту своего анализа. Речь, в частности, идет о транснациональных движениях, протестных акциях; в результате формируются группы транснациональных акторов — людей, “идентифицирующих себя и свои интересы с корпоративными структурами, которые расходятся с интересами нации-государства” [Nye, 2008: p. 23]. Этнически маркированные явления наилучшим образом схватывает “теория транснациональных движений и акторов”, зародившаяся в первой половине 1990-х годов [Friedberg, 2010: p. 214]. Положения этой теории дают основания рассуждать о том, что движения и акторы способствуют

определенной “транснационализации” и, в конечном счете, “интернационализации” отдельной (другой) этничности. Собственно, они усиливают указанные процессы. Благодаря интенсивным перемещениям людей, в той или иной мере являющихся этнофорами, а в транснациональном социальном пространстве — диверсифицированными (другими) этнофорами, они уже априори представляют собой явление транснациональное (интернациональное). Упомянутые движения и акторы, привлекая внимание к проблемам, возникающим в стране размещения ядра их этнической общности и связанным с ее дискриминацией, интернационализируют эту общность путем акцентуации проблем. В этом контексте возникает новое для украинской социогуманитаристики понятие “транснациональные условия”, в которых зарождается и существует то или иное явление [Teune, 2010]. Это понятие открывает возможность изучения явлений (весьма релевантно для исследования этничности) от локального (микро) до транснационального уровня (макро) [McGarry, 2012: p. 119].

В последнее время западные исследователи по-новому подходят к интерпретации термина “интернационализация”, который может отображать два способа реорганизации географически-социального пространства, но в любом случае вращается вокруг формально господствующей парадигмы национального общества (национального государства, государства-нации). Предложенная упомянутым выше немецким социологом Л.Присом модель реструктурирования комбинированного географически-социального пространства в его транснациональном измерении, на мой взгляд, продуктивна для отслеживания в нем динамики этничности и должна занять одно из ведущих мест в плане дизайна исследования. При этом он выделяет два аспекта реорганизации пространства. Первый включает следующие компоненты: 1) *интернационализация* (возможность интенсификации взаимосвязей с “контейнерами”); 2) *супра(над)национализация* (“контейнеры” могут расширяться благодаря включению в них различных наций-государств); 3) *ренициализация* (тот или иной “контейнер” может быть уменьшен или разделен на несколько новых); 4) *глобализация* (пространственно-социальное функционирование национальных “контейнеров” может расширяться и охватывать целый мир). Второй аспект связан с *плюралокальным* эффектом: 1) *глокализация* (комбинация в одной единице глобальных явлений и локальных социальных пространств); 2) *диаспорообразование* (комбинация родин как воображаемых наций (государств) и диаспор как их сателлитов); 3) *транснационализация* (сеть транснациональных локальных территорий, образующих четко определенные социальные пространства) [Pries, 2005: p. 8].

Закономерности и особенности функционирования этничности в транснациональном пространстве в их взаимосвязи

По моему мнению, тот же Л.Прис (разумеется, не в контексте данного исследования, а в общих теоретических рассуждениях о природе транснационального социального пространства) привел весьма обоснованную характеристику каждого из типов пространств, образующихся в результате реструктурирования транснационального географически-социального пространства в контексте его интернационализации, позволяющую выяснить сущность динамики этничности на каждом отрезке ее траектории. Попро-

бую предложить схему анализа и, в меру возможности, определить основные факторы, влияющие на состояние и качество этничности в общественных отношениях разных стран, ее восприятие и понимание населением, а также ее интерпретации различными научными школами. При этом нам следует иметь в виду тот факт, что транснациональное социальное пространство и этничность находятся в постоянном процессе взаимовлияния: первое формирует некую конфигурацию этничности (заставляет этнофоров отказываться от тех или иных этнических маркеров и приобретать новые, свойственные этничностям данного пространства) и в определенной мере конструирует контуры и содержание новой (маргинальной) этничности, несколько отличной от ядра этнической общности, находящегося на территории страны исхода этнофоров, о которых идет речь; в то же время этничность вносит своеобразие не только в этнокультурный контекст транснационального пространства, но и в его социально-экономическое измерение, прежде всего через практики этнического бизнеса (этнического предпринимательства) [Baycan-Levent, s.a.; McIlwaine, s.a.; Supporting, s.a.; Waldinger, s.a.].

Основываясь на сказанном выше, попробую предложить структуру исследования функционирования этничности в транснациональном социальном пространстве. При этом замечу, что эти усилия направлены на выяснение сущности явления этничности, его изменчивости (динамики) под влиянием, с одной стороны, процесса транснационализации, а с другой — необходимости функционирования в конкретных социальных условиях пребывания его носителей. Такая постановка вопроса не исчерпывает возможности определения содержания феномена этничности, поскольку появляются и другие факторы, в частности психологического рода, влияющие на его динамику.

Интернационализация (би- или мультинационализация). Ее основные характеристики воплощаются в том, что отношения и взаимодействия между нациями (государствами) выстраиваются преимущественно как международные отношения (отношения между народами), субъектами которых выступают нации-государства и “контейнерные” общества. В таких условиях состояние и перспективы динамики той или иной этничности, по моему мнению, рационально изучать по следующей схеме. 1) Нужно принимать во внимание тот факт, что носители этничности состоят из двух групп. а) Те, кто, оставаясь гражданами другого государства, которое находится в официальных отношениях с государством их временного пребывания, выполняют функции, возложенные на них государством или институтами, и кто легально работает в стране их постоянного проживания. Гипотезой исследования в этом случае может стать утверждение о том, что их этничность, оставаясь, например, итальянской, венгерской, украинской и т.п., по содержанию будет определяться преимущественно факторами, связанными с традициями и нормами страны происхождения и закономерностями формирования транснационального социального пространства или подпространств (выстроенных в отдельной стране, группе стран, образующих то или иное политическое, культурное, экономическое объединение, скажем, Центральная Европейская инициатива, в которую входит и Украина). б) Те, кто постоянно проживает в стране поселения (граждане этой страны) либо проживает в ней в течение длительного времени или прибыл в страну недавно, но намеревается стать ее постоянным жителем и получить ее гражданство. Моя гипотеза в очерченном контексте будет звучать иначе: функцио-

нирование этничности должно зависеть от факторов, предполагающих интеграцию носителей нетитульной этничности в общество проживания (mainstream); в этом случае на динамику этничности будут ощутимо влиять адаптационные факторы. 2) Необходимо выяснить характер взаимодействия этих двух частей носителей одной этничности в условиях иноэтничности окружающей среды и экстраполировать его на функционирование этничности. 3) Безусловно, как в первом, так и во втором случае следует учитывать установления и предписания государства проживания и его институтов, а также отношение его населения к иноэтническим компонентам в этнонациональной структуре общества, в частности, речь идет об уровне толерантности и желательности допуска в свою страну выходцев из других этнических общностей.

Заявленные методологические подходы позволят проранжировать факторы по их значению и силе влияния на качество той или иной этничности и осмыслить динамику этих факторов в перспективе. В итоге это даст возможность определить стержневое и периферийное содержания этничности в конкретных условиях, а именно в тех, которые детерминированы процессом интернационализации. Первое обычно остается практически неизменным, а второе более чувствительно к внешним влияниям и в определенном смысле к маргинализации.

Супра-национализация. Происходит трансформация наций-государств и национальных “контейнерных” обществ в направлении наднациональных (но не полностью глобальных) образований. Носители этничности в этих условиях ограничиваются в своем выборе ее сохранением, поскольку в данном случае должна преобладать тенденция обобщения, объединения представителей различных наций, народов, граждан своих государств на основании определенных ценностных ориентаций. Это основание (по Е.Смоличу, “core values” [Secombe, 1999: p. 105]) на начальном этапе может оказаться достаточно широким с перспективой его сужения на пути продвижения к сугубо глобализационным социальным системам, которые будут включать социальные подсистемы (этнополитические организмы — ЭПО, государства [Етнічний довідник, 1997: с. 60]) с четко выраженной тенденцией к сужению этнической основы (“core ethnic values”) своего ЭПО. В итоге будет формироваться, а точнее, будет конструироваться гибридная этничность [Holly, 2009]. Поле для маневра в сохранении и поддержании своей этничности станет и доля членов этнополитического организма, которые не так легко поддаются глобализации, сохраняя древние традиции, обычаи, обряды. Поскольку последние являются устойчивыми элементами этнической культуры, в которых сохраняется ключ от культурных кодов этносов, то именно постижение значения кодов позволит проникнуть в суть этнокультурных подсистем в контексте глобализованной мегасистемы и наладить взаимодействие между разными компонентами последней. Поскольку “культурные коды определяются как символы и системы понятий, присутствующие членам конкретной культурной (или субкультурной) группы” [Nyatt, 1999: с. 23], то ключевым моментом в исследовании динамики этничности в описанных выше условиях должен стать поиск и корректировка того, как эти коды функционируют и используются (или должны использоваться) в двух направлениях: а) усиление коммуникации внутри своей общности (то есть усиление основ неглобализированной доли этнической единицы и за-

медление процесса вхождения того или иного ЭПО в глобализированную мегасистему); б) степень открытия “шлюзов” для коммуникации с окружающей средой, ускоряющего вхождение того или иного ЭПО в глобализированную мегасистему. Безусловно, в этих обстоятельствах этничность через своих носителей будет функционировать отлично от предыдущей ситуации и мы будем иметь дело с другим определением сути понятия “этничность” и своеобразной перезагрузкой одноименного термина.

Ренационализация. В этом случае происходит укрепление существующих территориальных границ либо раздел государств, которые раньше представляли собой (более или менее) гомогенные социогеографические “контейнерные” пространства, на различные новые социальные единицы (образования) или пространства. Конец XIX — начало XX веков дали немало примеров возникновения таких ситуаций, скажем, укрепления национальных границ, которые со временем стали также границами наднациональных образований (например, Польша, Румыния, Венгрия, вошедшие в Европейский Союз); распад Советского Союза и Югославии; новейшие процессы в контексте грузинско-российских отношений. Деление огромного этнополитического организма “Советский Союз” на пятнадцать отдельных этнополитических организмов, которые в составе одного государства образовывали этносоциальные организмы (ЭСО) [Бромлей, 1970], обусловило этнополитический ренессанс титульной этнической общности и этнокультурное возрождение в среде относящихся к меньшинственным этническим общностям [Свтух, 2004]. Результатом этого стали укрепление (по крайней мере, стремление к этому) границ и атрибутов новых ЭПО и динамика этничностей, которые находились на их территориях, что проявилось в оживлении этнокультурной жизни этнических общностей. Этничность приобретает значение важного детерминанта развития новых стран. В ином случае (Европейский Союз) параллельно идут два процесса, которые я предлагаю рассматривать скорее как два аспекта одного процесса, выдвигая такую гипотезу: укрепление границ с восточной стороны следует связывать с ослаблением их с западной стороны, что обуславливает особую парадоксальную ситуацию для функционирования этничности: два, казалось бы, взаимоисключающих процесса должны сосуществовать и, более того, не порождать конфликтов. Поиск и обоснование факторов такого состояния дадут ключ к пониманию специфичности содержания и определения термина “этничность” в подобного рода транснациональных пространствах, каковыми сегодня являются пограничные пространства [Гвоздецька, 2010].

Глобализация представляет собой распространение и интенсификацию в мировом масштабе трансакций (действий, выходящих за пределы одного государства, одного общества), коммуникаций, социальных практик, символов, событий, рисков и прав. С этим контекстом ассоциируется, на первый взгляд, четкая схема анализа. В ее основе лежит прямолинейная траектория динамики этничности, суть которой определяется всеохватывающим обобщающим (в определенной мере унификационным) процессом, согласно логике развития которого быстрыми темпами должны утрачиваться специфические этнические маркеры, по которым одни общности выделяются среди других. Интенсивные перемещения людей, ценностей, идей и т.п. вроде бы полностью перекрывают диверсификационные процессы. Тем не менее однозначность глобализации утрачивает свою силу, когда этнополити-

ческие организмы ощущают усиленное давление, продуцируемое в одном или двух центрах (например, со стороны США на весь мир, особенно на его западную часть; со стороны Китая — на весь мир, особенно на его восточную часть; со стороны России — на бывшие этносоциальные организмы Советского Союза). Это проявляется в определенном сопротивлении и попытках удержать свою самобытность, по крайней мере, на этнокультурном уровне. Объективность анализа влияний глобализационного процесса на динамику этничности определяется, по моему убеждению, учетом неоднозначности современного мира, в котором существуют свои локальные, региональные, национальные, наднациональные (транснациональные) структурированные на основе интересов тех или иных групп влияния подсистемы, системы, мегасистемы. Выявление этих неоднозначностей и факторов их существования становится, по сути, краеугольным камнем в конструировании дизайна этой части исследовательского проекта “Этничность в современном транснациональном социальном пространстве”. Здесь вырисовывается интересный компаративистский сюжет (замечу, в среде солидных исследователей компаративистика считается едва ли не наиболее продуктивным методом анализа, особенно сложных явлений) — параметры взаимодействия (не в физическом, а в структурно-аналитическом понимании) *супранационализации* и *глобализации*. По моему мнению, подобное сравнение сможет помочь исследователю определиться с сердцевинной сущностью этничности в условиях глобализации, прежде всего с ее практиками, что собственно позволит установить глубину изменения этничности как маркера (как это ни парадоксально) процесса глобализации. Гипотеза здесь может звучать так: потеря значения ряда этнических маркеров того или иного явления в условиях глобализации упрощает определение термина “этничность” и склоняет к его лаконичному оформлению в более общих, унифицированных чертах, присущих если не всем акторам процесса, то подавляющему большинству. Отдельные штрихи динамики этничности в условиях глобализации оттеняются при исследовании “поведения” этничности в ситуации *глокализации*, особенности которой рассмотрим, хотя бы кратко, ниже.

Глокализацию Л.Прис трактует как взаимодействие между глобализированными, более или менее (умеренно) делокализованными явлениями и процессами и очень локально сконцентрированными влияниями предыдущих образований. Как мне представляется, именно параметры глокализации позволяют чуть ли не очевиднее всего проследить трансформации, происходящие с той или иной этничностью. Эти трансформации происходят вследствие трехвекторного взаимодействия явлений и процессов (три уровня): 1) глобализированный — умеренно делокализованный; 2) глобализированный — локально сконцентрированный; 3) умеренно делокализованный — локально сконцентрированный. Собственно, это и есть та схема, по которой следует выстраивать дизайн исследования траектории изменений в пределах глокализации. Движение носителей этничности в рамках определенных параметров обнаруживает уровень необходимости их адаптации к новым условиям проживания. Аксиомой в этом случае является то, что содержание трансформации этничности на каждом из трех определенных уровней будет различным; главной же задачей исследователя остается определение глубины этих изменений и оценка в соотношении их между собой. Такая, на первый взгляд, схоластика необходима для констатации того факта, что

эти изменения происходят, и одновременно для выяснения степени их ситуативности (ситуативной адаптации, необходимой в конкретных условиях). В этом контексте важно разработать адекватную диагностику (которая на данный момент отсутствует), позволяющую отследить различные этапы динамики этничности. Ключевой деталью в этом процессе, по моему мнению, может стать *этногравитация* — устойчивое тяготение представителей той или иной общности (либо, в идеале, всей общности) к определенному месту, обычно территории ее первичного размещения [Евтух, 2012: с. 109]. Кстати, рассуждения в этом направлении побуждают и к дальнейшим рассуждениям, связанным с непрерывностью этнической информации, этнокультурных традиций в поколенческом и пространственном измерениях, в частности обусловленных локальными, региональными, национальными, континентальными, транснациональными закономерностями и особенностями, а также взаимосвязями в развитии современного мира.

Диаспора–интернационализация, которая определяется общим социальным пространством, которое распространяется на разные географические территории и преодолевает границы цивилизаций и наций и возникающая в воображении в связи со ссылками на “родину”. Предыдущие практические наблюдения и научные разработки [Володимир Борисович Евтух, 2010: с. 58–87] подталкивают меня к выводу (хотя не буду утверждать, что он универсальный) о том, что диаспоры представляют собой идеальный материал для исследования динамики той или иной этничности. Глобализация явления не лишает его этнокультурной самобытности; диаспора сегодня — это многогранный социокультурный феномен [Чернова, 2007]. Однако она чувствительна к изменениям, детерминированным пребыванием в иноэтническом окружении с достаточно осознанным стремлением к сохранению своей самобытности [Baubock, 2010: p. 35–51]. Учитывая подобные обстоятельства, прежде всего то, что диаспоры могут быть как локальными, так и глобальными, их этничность нужно рассматривать согласно парадигме “локальность–глобальность”, акцентируя внимание на моментах, связанных с трансформацией сугубо иммигрантских диаспоральных образований в этнические общности страны проживания и виртуализацией их существования в определенных территориальных пределах [Bruneau, 2010; Ong, 2003].

Транснационализация. Плюралистические локальные и транснациональные социальные отношения, сети и практики, распространяющиеся на традиционные “контейнерные” пространства и национальные общества и между ними. Сразу должен констатировать, что транснационализацию в различных ее аспектах и проявлениях западные исследователи связывают с международными миграциями [Dahinden, 2010; Kivisto, 2003; McIlwaine, 2012; Muller-Mahn, 2005; Rouse, 2002; Synopsis, 2003; Ычок, 2006; Van Hear, 2010; Weiss, 2005]. Логично, что транснациональное социальное пространство рассматривается в тесном взаимодействии с миграциями, поскольку именно мигранты, которые, будучи выходцами из той или иной этнической общности, той или иной страны, являются этнофорами, — во многом определяют функционирование этничности в этом пространстве. Согласно утверждениям европейских исследователей, с которыми можно полностью согласиться, именно благодаря мигрантам происходит перемещение этничности из одного “контейнерного” общества в другое; собственно, одна этничность проникает в несколько обществ, взаимодействует с этничностями,

существующими в этих обществах, и таким образом происходит транснациональная этничность. Выстраивая дизайн исследования динамики этничности в ТНСП, важно учитывать тот факт, что сегодня миграции — это не механическое перемещение людей между местностями проживания, а комплексное явление, реализуемое вследствие движений между социальными, экономическими [Ўсок, 2006: р. 1], культурными и политическими сферами глобального мира, благодаря тому, что мигранты являются носителями разнообразных социальных, экономических, культурных, политических идей и взглядов. Новая черта современных мигрантов — это то, что они не порывают связей со своей этнической родиной, а стремятся поддерживать и укреплять эти связи. Поэтому, исследуя “поведение” их этничности в новых условиях, нужно изучать не только их перемещения из одного места в другое, из одной окружающей среды в другую, из одной сети социальных отношений в другую (на чем концентрировалось внимание исследователей предыдущих периодов) [Rouse, 2002: р. 157–171], но и их отношения с “землей родителей” [Wimmer, 2007]. Такой “симбиоз” лежит в основе создания общностей, которые не остаются в рамках конкретных национальных “контейнеров”, а расширяются над их границами [Xavier, 2002: р. 20]. Такое состояние английский исследователь Р.Роуз называет “транснациональным эмигрантским циклом” [Rouse, 2002: р. 162], а представители социальной антропологии говорят о появлении новой отрасли — “антропологии транснациональной миграции” как процесса, в ходе которого мигранты одновременно выстраивают и поддерживают многослойные социальные отношения, объединяющие общества их происхождения и теперешнего проживания [Ўсок, 2006: р. 2]. В этом контексте важно подчеркнуть несколько моментов, усиливающих роль миграции (в данное время уже транснациональной): 1) стремительное развитие транспорта и коммуникационных технологий связывает сегодня людей гораздо быстрее и эффективнее, чем раньше; 2) в условиях чрезвычайно стремительного распространения Интернета, спутниковых радио и телевидения национальные границы теряют свою былую значимость; 3) с появлением транснационального социального пространства ослабевают связи между социальными и географическими пространствами.

Методологическое наполнение (освоение) исследовательского проекта

Собственно, здесь речь идет о трех вещах: 1) источниковедческо-статистическая база и наработки исследователей в двух сферах — в сфере этничности и в сфере пространства, в частности транснационального социального. При этом следует иметь в виду и другие проявления пространства, в пределы которых вследствие своей многогранности попадает феномен этничности: географическое пространство, политическое пространство, лингвистическое пространство, культурное пространство и т.п.; 2) формулировка гипотез и операционализация терминов; 3) методы получения адекватных результатов (доказательство, опровержение выдвинутых гипотез, формулировка новых гипотез). Поскольку и этничность, и пространство являются категориями социологии, важно помнить, что в социологии категории — “это пределы установок теоретического мышления и исследовательских терминов, проведенные с целью получения причинных объяснений и

презентации общенаучных релевантных результатов исследования” [Ольховиков, 2004: с. 11]. В этом контексте выбор методов приобретает особое значение: они либо приведут к адекватным результатам, либо обусловят появление ряда новых исследовательских проблем.

Источниковедческо-статистическая база исследования в нашем случае должна играть особую роль — это не только поиск и анализ соответствующего фактологического материала (статистики и данных), очерчивание места заявленной проблемы в социогуманитарном дискурсе и оценка научного опыта предшественников для формулировки задач проекта, но и, в первую очередь, воспроизводство процесса динамики проблемы, которая определяется следующими моментами: 1) значительная степень влияния этнического фактора на общественное развитие стран современного мира; 2) активная (порой — агрессивная) роль этого фактора во взаимодействии между общностями в рамках одного этнополитического организма, вне его границ, между различными ЭПО, региональными и мегасистемами, в состав которых входит несколько ЭПО; 3) динамизация процессов обменов людьми (этнофорами) и идеями, нередко этнически маркированными; 4) перемещение огромных масс людей с одних территорий на другие и завоевание пространства для своей этничности: в современных условиях это происходит не в форме вытеснения с территорий постоянного проживания предыдущих этнофоров, как происходило в колониальную эпоху и во время захватнических войн, а скорее благодаря влиянию на реструктуризацию межэтнических, межкультурных отношений и темпоритмы хозяйственной жизнедеятельности — окрашивание их новой этничностью.

Поскольку динамика этнического сложна и изменчива, что, в конечном счете, определяется сложностью самого феномена этничности, мы должны *тщательно формулировать гипотезы*. Этничность анализируется в пространственном измерении, а именно в транснациональном социальном пространстве, которое само по себе не всегда является устойчивой единицей, будучи скорее подвижным. Предварительно для данного исследовательского проекта можно предложить три, на мой взгляд, определяющих гипотезы: 1) факторы, влияющие на динамику этничности, ранжируются так: социально-экономические, психологически-поведенческие, этнокультурные; 2) этничность в транснациональном социальном пространстве преимущественно конструируется, а сам процесс конструирования и практики контекстуально обусловлены; 3) социальные сети [Faist, 2004; Ryan, 2010], которые выстраиваются на этнической основе, создают особенно подвижную разновидность пространства — этническое [Regalsky, 2008], которое становится составной частью ТНСП (как и некоторых других видов пространства) [Кеменифи, 2001]. Безусловно, в процессе реализации исследовательского проекта могут появляться и другие гипотезы, связанные с особенностью функционирования этничности в разных частях транснационального социального пространства, например, при выяснении параметров, закономерностей и особенностей взаимодействия социального и этнического.

Что касается *релевантных методов*, то их поиск приходится вести, я бы сказал, в хитросплетении терминологических конструктов и их фантомов. К такому выводу склоняет обнаружение многочисленных словосочетаний, которые нередко относятся к одному и тому же феномену, используются для описания одной и той же функции этничности в транснациональном со-

циальном пространстве, но выстраиваются на методологических структурообразующих компонентах разного порядка. Имею в виду прежде всего неопределенность пределов функциональных возможностей определенных терминов (слов, словосочетаний), что усложняет их использование в исследовании для получения адекватного результата. В упомянутом выше и в прилагаемом к статье списках научной литературы мною, в частности, выделены следующие термины, нередко употребляемые в качестве синонимов: подход, теория, концепция, модель, перспектива, парадигма, шкала, метод и т.п. (например: подход = перспектива, теория = концепция, парадигма = модель). В данном исследовании я не ставил своей целью проанализировать их содержание и показать их методологическую “ангажированность” и то, как они работают в поле исследовательского проекта. Этому стоит посвятить отдельное исследование. Отмечу несколько главных, на мой взгляд, моментов: 1) поиски нужно осуществлять, начиная с определения перспективы, наиболее обобщенной платформы изучения феномена, что делает возможным его целостное видение, либо с его определяющих компонентов (например, *экономическая перспектива, культурная перспектива, контекстуальная перспектива, социально-конструктивистская перспектива, перспектива развития*); 2) следующим уровнем является определение параметров структурированного соотношения и взаимодействия “подхода — теории — концепции” (например, *культурнический подход, “теория плавающего котла”, “контейнерная” концепция социального пространства*); 3) далее следует выяснять функциональные возможности подходов, теорий, концепций в пространстве выбранной перспективы; 4) завершающей фазой этого поискового цикла является обоснование конкретных методов и моделей (замечу, что в западной социологической литературе “модель” определяется не только как выработанный исследователем конструкт, но и как метод исследования). Среди них — *метод мультикритериального анализа, метод пространственно-временного анализа социального явления (этничности, пространства), модель структурного выравнивания, дуалистическая модель* и т.п. Что касается парадигм (*классическая, неомарксистская, функционализм, символический интеракционизм, социобиологическая, рационального выбора, элит, неовеберизм, антифундаментализм* [Malešević, 2004: p. 7], долгое время применявшихся исследователями, то современное состояние изучения этничности в транснациональном пространстве позволяет выбрать среди них наиболее продуктивные для применения в контексте конструирования методологической схемы исследования проблемы.

Источники

Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / Арутюнов С.А. — М.: Наука, 1989. — 247 с.

Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм / Ю.В. Бромлей // Вестник Академии Наук СССР. — 1970. — № 8. — С. 48–54.

Бурдые П. Социология политики / Бурдые Пьер; пер. с франц.; [сост. и общ. ред. Н.А. Шматко]. — М.: Socio-Logos, 1993. — 333 с.

Гвоздецька Б. Особливості ідентичностей мешканців пограниччя Карпатського регіону (на прикладі Львівської та Івано-Франківської областей) / Б. Гвоздецька //

Міжнародний науковий форум: соціологія, психологія, педагогіка, менеджмент : зб. наук. пр. ; вип. 4. — К. : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2010. — С. 63–74.

Гнатюк О. Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність / Ольга Гнатюк. — К. : Критика, 2005. — 528 с.

Етнічний довідник. Поняття та терміни : у 3 ч. — К. : ЕРІДС, 1997. — 141 с.

Євтух В.Б. Біобібліографічне видання / В.Б. Євтух. — К. : Академвидав, 2010. — 456 с.

Євтух В.Б. Етнічність : енциклоп. довідник / Євтух В.Б. — К. : Фенікс, 2012. — 396 с.

Євтух В.Б. Етнополітичний ренесанс в Україні: поняття, структура, наслідки / В.Б. Євтух // Київський національний університет імені Тараса Шевченка ; Факультет соціології та психології ; Ін-т журналістики : наукові записки ; т. 5. — К. : КПВД Педагогіка, 2004. — С. 1–15.

Євтух В.Б. Етносоціологія: довідник / Євтух В.Б. — К. : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2011. — 205 с.

Євтух В. Етнічність : глосарій / Євтух В. — К. : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. — 170 с.

Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель // Избранное: Т. 2 : Созерцание жизни. — М., 1996. — С. 509–526.

Нагорна Л. Соціокультурна ідентичність: пастки ціннісних розмежувань / Нагорна Л. — К. : ІПіЕНД, 2011. — 272 с.

Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза / Л.Р. Низамова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2009. — Т. 13, № 1. — С. 34–51.

Ольховиков К.М. Категории социологии: образ мышления и словарь исследования / К.М. Ольховиков, Г.П. Орлов // Социологические исследования. — 2004. — № 2. — С. 3–12.

Савенкова Л. Євтух у інформаційно-комунікаційному просторі: наукові та політико-громадські активності / Л. Савенкова, В. Крячко (укл.). — К., 2012. — 248 с.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. — М., 1992.

Чернова К.О. Українська діаспора як соціокультурна система / Чернова К.О. — К. : ДАКККіМ, 2007. — 347 с.

Ajtony Zs. Ethnicity in interaction: The state-of-the-art / Zs. Ajtony // Acta Universitatis Sapientiae. Philologica. — 2010. — Vol., № 2. — P. 212–228.

Amelina A. Searching for an appropriate research strategy on transnational migration: The logic of multi-sited research and the advantage of the cultural interferences approach / A. Amelina // Forum: Qualitative Social Research. — 2010. — Vol. 11, № 1. — P. 1–15.

Amiri S.R.S. Ethnic diversity management based on social capital theories / S.R.S. Amiri, E. Kavousy // European Journal of Social Sciences. — 2010. — Vol. 12, № 3. — P. 387–396.

Aspinall P.J. The future of ethnicity classifications / P.J. Aspinall // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2009. — Vol. 35, № 9. — P. 1417–1435.

Bauboek R. Diaspora and transnationalism. Concepts, theories and methods / R. Bauboek, T. Faist (eds.). — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. — 352 p.

Baycan-Levent T. Migrant entrepreneurship in a diverse Europe: In search of sustainable development [Electronic resource] / T. Baycan-Levent, P. Nijkamp. — Mode of access : dare.uvu.vu.nl/bitstream/handle/1871/15386/20070014.pdf?sequence=5. (s.a.)

Boyd R. The evolution of ethnic markers [Electronic resources] / R. Boyd, P.J. Richerson. — Mode of access : www.sscnet.ucla.edu/.../BoydRichersonCultAnth87EvolutionOfEthnicMarkers.pdf. (s.a.)

Bruneau M. Diasporas, transnational spaces and communities // Diaspora and transnationalism. Concepts, theories and methods / M. Bruneau ; Rainer Bauboek, Thomas Faist (eds.). — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. — P. 35–50.

Carter B. Not thinking ethnicity: A critique of the ethnicity paradigm in an over-ethnicised sociology / B. Carter, S. Fenton // Journal for the Theory of Social Behaviour. — 2009. — Vol. 40. — Issue 1. — P. 1–18.

Dahinden J. The dynamics of migrants' transnational formations: Between mobility and locality / J. Dahinden // Diaspora and transnationalism. Concepts, theories and methods / Rainer Bauboeck, Thomas Faist (eds.). — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. — P. 51–72.

Esparza D. National identity and the Other: imaging of EU from the Czech Lands / D. Esparza // Nationalities Papers. — 2010. — Vol. 38, № 3. — P. 413–436.

Ethnic markers [Electronic resources]. — Mode of access : http://sociology.about.com/od/E_Index/g/Ethnic-Marker.htm. (s.a.)

Faist T. Transnational social spaces: Agents, networks and institutions / T. Faist, E. Oezveren. — UK/USA : Ashgate Publishing Ltd., 2004. — 237 p.

Florea I.A. Symbolic ethnic borders in the virtual space / Florea I.A. — Frankfurt Oder, April 2005. — 17 p.

Forrest J. Attitudes to diversity: new perspectives on ethnic geography of Brisbane, Australia / J. Forrest, K. Dunn // Australian Geographer. — 2011. — Vol. 42, № 4. — P. 435–453.

Friedman J. Transnationalization, socio-political disorder and ethnification as expressions of declining global hegemony / J. Friedman // International Political Science Review. — 1998. — Vol. 19, № 3. — P. 233–250.

Hall S. The local and the global: Globalization and ethnicity / S. Hall // Globalization and the world system. — London : Macmillan, 1991. — 77 p.

Hartmann D. Dealing with diversity: Mapping multiculturalism in sociological terms / D. Hartmann, J. Gerteis // Sociological Theory. — 2005. — Vol. 23, № 2. — P. 218–240.

Hasmath R. Managing ethnic diversity. Meaning and practices from an international perspective / Hasmath Reza (ed.). — Surrey : Ashgate, 2011. — 243 p.

Holly T.H. National identity: Civic, ethnic, hybrid and atomized individuals / T.H. Holly // Europe-Asia Studies. — 2009. — Vol. 61, № 1. — P. 1–28.

Hyatt J. Cultural codes — who holds the key? The concept and conduct of evaluation in Central and Eastern Europe / J. Hyatt, H. Simon // Evaluation. — 1999. — Vol. 5, № 1. — P. 23–41.

Identity markers: Race, ethnicity & gender // Sociology 101. — Series 6. — P. 1–9.

Jackson P. Transnational spaces / P. Jackson (ed.). — London : Routledge, 2004. — 208 p.

Kemenyfi R. The notion of ethnic space / R. Kemenyfi // Acta Universitatis Sapientie, Philologica. — 2011. — Vol. 3, № 2. — P. 123–133.

Kivisto P. Social spaces, transnational immigrant communities and the politics of incorporation / P. Kivisto // Ethnicities. — 2003. — Vol. 3, № 1. — P. 5–28.

Kleinschmidt H. Migration and the making of transnational social spaces [Electronic resources] / H. Kleinschmidt. — Mode of access : spatialaesthetics.unimelb.edu.au/.../Kleinschmidt_-_Migration_and_the_Making_of_Transnational_Social_Spaces.pdf. (s.a.)

Korporowicz L. Interactive personality as a challenge in a world of interacting cultures / L. Korporowicz // Florian Znaniecki's Sociological Theory and the challenges of 21st Century. — N. Y. : Peter Lang, 2000. — P. 161–167.

Korporowicz L. Jagiellonian Cultural Studies. Preface / L. Korporowicz // Politeja. — 2012. — 20/1. — P. 7–23.

Leung L. Virtual ethnicity: race, resistance and the world wide web / Leung L. — Aldershot : Ashgate, 2005. — 196 p.

Malesevic S. Ethnicity in time and space: A conceptual analysis / S. Malesevic // Critical Sociology. — 2011. — Vol. 37, № 1. — P. 67–82.

Malesevic S. The sociology of ethnicity / Malesevic S. — London : SAGE, 2004. — 208 p.

Mateos P. Uncertainty in the analysis of ethnicity classifications: Issues of extent and aggregation of ethnic groups / P. Mateos, A. Singleton, P. Longley // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2009. — Vol. 35, № 9. — P. 1437–1460.

McGarry A. The transnational condition: Protest dynamics in an entangled Europe / McGarry A. ; Teune Simon (ed.). — New York ; Oxford : Berghahn, 2010. — 233 p.

McIlwaine C. Constructing transnational social spaces among Latin American migrants in Europe: Perspectives from UK / C. McIlwaine // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. — 2012. — № 5. — P. 289–304.

Morace C. How can diversity lead to richer unity? Developing intercultural competences through “integrity” [Electronic resource] / C. Morace, A. Gourves. — Mode of access : www.sefi.be/wp-content/papers2010/abstracts/266.pdf. (2010)

Muller-Mahn D. Transnational spaces and migrant networks: A case study of Egyptians in Paris [Electronic resource] / D. Muller-Mahn. — Mode of access : www.giga-hamburg.de/openaccess/nordsuedaktuell/2005_1/giga_nsa_2005_1_M?ller.mahn.pgfi. (2005)

Nazroo J.Y. Ethnicity, class and health / J.Y. Nazroo. — London : Policies Studies Institute, 2001. — XVI, 196 p.

Niehuus W. Virtual commuters? The American transnational exchange [Electronic resource] / W. Niehus // *Current Objectives of Postgraduate American Studies*. — 2006. — Vol. 7. — Mode of access : copas.uni-regensburg.de/article/view/90/114.

Nye J.S. Transnational relations and world politics: An introduction / J.S. Nye, R.O. Keohane // *The Transnational Studies Reader* / Ed. Khadram Sanjeev, Levitt Peggy. — N. Y. : Routledge, 2008. — P. 23–35.

Ong A. Cyberpublics and diaspora politics among transnational Chinese / A. Ong // *Intervention*. — 2003. — Vol. 5, № 1. — P. 82–100.

Parker D. New ethnicities and the internet. Belonging and the negotiation of difference in multicultural Britain / D. Parker, M. Song // *Cultural Studies*. — 2009. — Vol. 23. — P. 583–604.

Pieterse J.N. Social capital and migration. Beyond ethnic economies / J.N. Pieterse // *Ethnicities*. — 2003. — Vol. 3, № 1. — P. 5–34.

Pries L. New transnational social spaces: International migration and transnational companies in the early twenty-first century / L. Pries. — Routledge : Taylor and Francis, 2001. — 224 p.

Pries L. Transnational migration as a chance for spanning the North-South-gap? / L. Pries // *Quartal*. — 2005. — P. 6–18.

Pries L. Transnational migration: New challenges for nation states and new opportunities for regional and global development [Electronic resource] / L. Pries // *Repotrs & Analysis*. — 2006. — № 1. — 21 p. — Mode of access : csm.org.pl/fileadmin/files/Biblioteka_csm/Raporty_i_analzy/2006/LudgerPries_Transnational_Migration_NewChallengesfor.Pdf.

Regalsky P. Fluid modern ethnic spaces: contesting the spatial ordering of the State in Bolivia / P. Regalsky // *Area*. — 2008. — Vol. 40. — Issue 1. — P. 34–44.

Rouse R. Mexican migration and the social space of postmodernism / R. Rouse // *The Anthropology of Globalization*. — Oxford : Blackwell, 2002. — P. 157–171.

Ryan L. Becoming Polish in London: negotiating ethnicity through migration / L. Ryan // *Social Identities*. — 2010. — Vol. 16, № 3. — P. 359–376.

Sapiera E. Minority activism on the web: between deliberative democracy and multiculturalism / E. Sapiera // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2005. — Vol. 31, № 3. — P. 499–519.

Sapiera E. Multiculturalism online: the internet and the dilemmas of multiculturalism politics / E. Sapiera // *European Journal of Cultural Studies*. — 2006. — Vol. 9, № 1. — P. 2–24.

Secombe M. Smolicz on education and culture / M. Secombe, J. Zajda. — Albert Park : James Nicolas Publishers Pty Ltd, 1999. — 319 p.

Supporting entrepreneurial diversity in Europe – Ethnic minority entrepreneurship / Migrant entrepreneurship. Conclusions and recommendations of the European Commission's Network "Ethnic Minority Business". – Brussels: ENTRE. E. 1./TJ D (2008), 2008. – 17 p.

Synopsis: Transnational communities. An ESRC research programme. – Swindon: ESRC, 2003. – 57 p.

Tannen D. Ethnic style in male-female conversation // Language and social identity / D. Tannen; Gumperz John (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – P. 217–231.

Teune S. The transnational condition: Protest dynamics in an entangled Europe / S. Teune (ed.). – New York; Oxford: Berghahn, 2010. – 233 p.

Toggenburg G. Who is managing ethnic and cultural diversity in the European condominium? The moments of entry, integration and preservation / G. Toggenburg // Journal of Common Market Studies. – 2005. – Vol. 43, № 1. – P. 717–738.

Transnationalism [Electronic resource] // Wikipedia, the free encyclopedia. – Mode of access: <http://en.wikipedia.org/wiki/Transnationalism>. (s.a.)

Üçok M. Transnational consumption practices for social mobility: A study of Turkish immigrants in Denmark / M. Üçok // AMID Working Papers. – 2006. – Series 58. – 19 p.

Van Hear N. Theories of migration and social change / N. Van Hear // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2010. – Vol. 36, № 10. – P. 1531–1536.

Waldinger R. Ethnic Entrepreneurs. Immigrant business in industrial societies / Waldinger R., Aldrich H., Ward R. – SAGE Publications, 1990. – 226 p.

Ward C. Acculturation and adaptation revisited / C. Ward, A. Rana-Deuba // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1999. – Vol. 30, № 4. – P. 422–442.

Weiss A. The transnationalization of social inequality: Conceptualizing social position on a world scale / A. Weiss // Current Sociology. – 2005. – Vol. 52, № 4. – P. 707–728.

Wimmer A. How (not) to think about ethnicity in immigrant societies. Toward a boundary-making perspective / A. Wimmer // Concepts and Methods in Migration Research. Conference Reader. – Berlin: Study Group: Cultural Capital during Migration, 2007. – P. 7–38.

Xavier I. A world of motion / I. Xavier, R. Ronaldo // The Anthropology of Globalization. – Oxford: Blackwell, 2002. – P. 1–34.